

Александр Восьмой

Прихоть 6: Любовь,
конфликты и плитка

18+

Александр Восьмой

**Прихоть 6: Любовь,
конфликты и плитка**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Прихоть 6: Любовь, конфликты и плитка / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Мегаплощадь и я: любовь, конфликты и плитка. Архитектор влюбляется в площадь — в буквальном смысле. Он спорит с урбанистами, сражается с подрядчиками и защищает каждый квадратный метр брусчатки от «улучшений». Его роман с пространством разворачивается на фоне гигантских проектов, общественных слушаний и уличных перформансов. Атмосфера: градостроительная романтика с комедийными препятствиями. День открытия. Площадь наполняется людьми, звучит музыка, дети бегают по брусчатке, взрослые фотографируются, урбанисты и подрядчики обмениваются сдержанными комплиментами. Арсений стоит в стороне и наблюдает, как его «любовь» становится частью жизни города. В финале он понимает: площадь не принадлежит никому — и в то же время принадлежит всем. И это самое главное.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Прихоть 6: Любовь, конфликты и плитка

Глава 1. «Первый взгляд: когда площадь шепчет»

Арсений стоял на краю Мегаплощади, и мир будто на секунду замер вместе с ним. Ветер лениво перебирал края его папки с чертежами, будто нарочно пытался выхватить оттуда самый провальный эскиз — тот, где в центре площади красовался стеклянный куб с надписью «Арт-объект № 1». Арсений крепче прижал папку к груди, но это уже не имело значения. Он не слышал ни гула машин, ни далёких объявлений из динамиков, ни даже собственного пульса — только тихий, почти неслышный шёпот самой площади.

«Не трогай меня грубыми эскизами, я достойна уважения», — казалось, шептала брусчатка. И Арсений ей верил. Не в смысле «я слышу голоса», а в том смысле, что у этого места был характер. У каждой плитки — своя история, у каждого стыка — своя драма, у каждой трещины — своя обида на слишком рьяных подрядчиков.

Он сделал шаг вперёд, и брусчатка отозвалась сухим, деловитым щелчком — будто проверяла, достоин ли он ступать по ней. Арсений замер, прислушиваясь. Где-то в глубине души он понимал, что выглядит нелепо: молодой архитектор, застывший посреди городской площади, как турист, впервые увидевший море. Но разве море не заслуживает того, чтобы на него просто смотрели? Разве площадь — не то же море, только из камня и времени?

— Ты что, медитируешь? — раздался голос за спиной.

Арсений вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял Игорь, урбанист с репутацией человека, который улыбается только в ответ на статистику пешеходных потоков. На его футболке красовалась надпись «Город — это функция», и Арсений вдруг почувствовал себя виноватым, будто его любовь к площади была чем-то неприличным.

— Я... изучаю контекст, — осторожно ответил Арсений, стараясь звучать профессионально.

— Контекст? — Игорь скептически оглядел площадь. — Контекст — это плотность застройки, транспортная доступность, индекс проходимости. А ты стоишь и смотришь на плитку, как будто она тебе песню поёт.

— Она и поёт, — не удержался Арсений. — Просто ты не слышишь.

Игорь закатил глаза.

— Слушай, если ты сейчас скажешь, что площадь с тобой разговаривает, я официально заявлю, что проект надо отдать кому-то, кто не одушевляет бетон.

Арсений хотел возразить, но вовремя прикусил язык. Вместо этого он наклонился и провёл пальцем по краю одной из плиток — шершавой, чуть потемневшей от времени.

— Видишь эту кромку? — тихо сказал он. — Её клали в восемьдесят девятом. Она помнит, как здесь стояли палатки, как проходили митинги, как дети катались на роликах, пока город ещё не решил, что ему важнее: движение или память. Эта плитка — не просто кусок камня. Это архив.

Игорь посмотрел на него так, будто Арсений только что признался, что верит в единогогогов.

— Архив, — медленно повторил он. — Ладно. Тогда скажи мне, этот «архив» готов выдержать установку модульных павильонов для ярмарки? Потому что завтра на совещании надо дать чёткий ответ: «да» или «нет».

Арсений снова взглянул на площадь. Она молчала — но молчание это было выразительнее любых слов. В нём слышалось тихое «не надо».

— Давай пока не будем ставить павильоны, — твёрдо сказал Арсений, удивляясь собственной смелости. — Давай сначала поймём, что она хочет сказать.

— Она? — переспросил Игорь, приподнимая бровь.

— Площадь, — спокойно ответил Арсений. — Она ведь тоже имеет право голоса. Даже если её голос — это просто тишина между шагами прохожих.

Игорь вздохнул, достал из кармана телефон и посмотрел на экран, будто надеясь, что там появится спасительное сообщение: «Проект отменён, все свободны». Но сообщения не было.

— Ладно, — пробормотал он. — Но если завтра на совещании ты скажешь, что площадь попросила тебя не ставить павильоны, я сделаю вид, что не знаю тебя.

— Договорились, — улыбнулся Арсений.

И, пока Игорь уходил, бормоча что-то про «романтиков в градостроительстве», Арсений снова повернулся к площади. Она не шептала — она ждала. И в этом ожидании было столько терпения и достоинства, что Арсений вдруг понял: он не просто будет проектировать здесь что-то. Он будет защищать это место. Каждый квадратный метр. Каждую плитку. Даже если весь город решит, что это безумие.

Потому что иногда любовь начинается с одного взгляда. И с одного тихого шёпота брусчатки.

Глава 2. «План против чувства: битва в конференц-зале»

Конференц-зал пахнул не кофе, а напряжением — густым, как переваренный эспрессо. На стене висел огромный экран, где сейчас застыл главный чертёж Арсения: тонкие линии, выверенные до миллиметра, будто не план благоустройства, а нотный лист, по которому площадь могла бы петь. Арсений стоял у проектора, чувствуя, как под пиджаком медленно, но уверенно ползёт капля пота — не от жары, а от осознания: сейчас он будет защищать не проект, а свои чувства.

— Итак, — начал заказчик, господин Велехов, человек, который, казалось, умел улыбаться только в ответ на снижение сметы. — Расскажите, пожалуйста, в чём ценность вашего подхода. Нам нужно современно, экономично и... ну, вы понимаете. Красиво, но не дорого.

Арсений сглотнул. Сказать, что ценность в том, как рассвет ложится на брусчатку? Что пропорции площади — как идеальный ритм, нарушать который преступно? Он посмотрел на урбанистов — те сидели с каменными лицами, будто уже мысленно перекладывали плитку в голове.

— Моя концепция, — начал Арсений, стараясь звучать твёрдо, — строится на уважении к существующим пропорциям. Площадь — это не пустое пространство, которое нужно «заполнить». Это сложившийся организм, и любое грубое вмешательство может нарушить его... баланс.

— Баланс, — хмыкнул один из урбанистов, молодой парень с причёской, идеально подходящей для презентаций. — А можно чуть конкретнее? Например, сколько квадратных метров озеленения вы закладываете? И какой процент покрытия плиткой?

— Процент... — Арсений запнулся. Он не считал проценты. Он считал тени. Рассчитывал, где утром падает первый луч, чтобы не слепить прохожих, и где вечером брусчатка хранит тепло, словно греет город изнутри. — Я старался сохранить существующую геометрию, потому что она... идеальна.

В зале повисла тишина. Такая, после которой обычно либо аплодируют, либо вызывают скорую. А потом — сдержанный смех. Сначала один урбанист, потом другой. Заказчик улыбнулся так, будто услышал не архитектурный манифест, а анекдот про плитку.

— Идеальна? — переспросил Велехов, наклоняя голову. — Площадь?

— Да, — упрямо сказал Арсений, хотя внутренний голос уже шептал: «Молчи, молчи, скажи про дренаж». — Она сложилась исторически, её ритм выверен годами. Если мы начнём резать её на функциональные зоны, мы потеряем... её душу.

Теперь смеялись уже открыто. Даже подрядчик, до этого молчавший, хмыкнул и пробормотал:

— Душу? У площади? Ну, это что-то новенькое. Обычно у нас душа — это смета.

Арсений почувствовал, как краснеют уши. Но сдаваться не собирался.

— Посмотрите на эти линии, — он шагнул к экрану и провёл пальцем по тонкой кривой, которая повторяла изгиб старой пешеходной дорожки. — Это не случайность. Это траектория тысяч шагов. Люди годами шли именно так, потому что это удобно, привычно, правильно. Если мы поставим здесь павильон, мы сломаем этот поток. Мы заставим людей обходить, сбиваться с ритма, чувствовать себя чужими на своей же площади.

Урбанист с причёской закатил глаза:

— Ритм... потоки... Арсений, мы не симфонию пишем. Нам нужно, чтобы здесь было место для ярмарки, киосков, может быть, даже сцены. Современность требует гибкости.

— Гибкость — это хорошо, — кивнул Арсений. — Но не ценой уничтожения характера места. Давайте сделаем ярмарку мобильной. Пусть она приезжает, как гость, а не как хозяин. Пусть площадь остаётся хозяйкой.

Велехов посмотрел на него долго, будто пытался прочесть между строк не архитектурный проект, а психиатрическое заключение.

— Хозяйка... — медленно повторил он. — То есть вы предлагаете относиться к площади как к... личности?

— Как к пространству с историей, — поправил Арсений. — Которое заслуживает уважения.

Подрядчик фыркнул:

— Уважение — это хорошо. А экономия — лучше. Скажите честно: ваш проект укладывается в бюджет? Или нам придётся продавать плитку, чтобы оплатить плитку?

Арсений открыл рот, чтобы ответить, но понял, что цифры у него в голове не складываются в красивую картину. Они складывались в оправдание каждой линии, каждого угла, каждого миллиметра, который он хотел сохранить.

— Бюджет, — сказал он наконец, — можно оптимизировать. Но не за счёт характера площади. Давайте найдём компромисс, который не будет предательством.

Велехов вздохнул, потёр переносицу и посмотрел на экран так, будто надеялся, что чертёж сам собой станет дешевле и современнее.

— Компромисс, — повторил он. — Хорошо. Но пусть он будет не с совестью, а с реальностью. Дайте нам варианты: один — ваш идеальный, второй — реалистичный, третий — «чтобы заказчик спал спокойно». И постарайтесь, чтобы в них не было слишком много... души.

Арсений кивнул, стараясь не выглядеть так, будто ему только что предложили ампутировать любимую часть проекта.

— Сделаю, — пообещал он.

Когда заседание закончилось и зал опустел, Арсений остался стоять у экрана. Чертёж смотрел на него строго, как будто упрекал: «Ты обещал меня защитить».

— Я не сдам тебя, — тихо сказал Арсений, будто площадь могла его услышать. — Просто придётся немного поторговаться с реальностью.

Он выключил проектор, и экран погас, оставив в комнате только тусклый свет настольной лампы и тень от стула. А где-то далеко, за окнами, Мегаплощадь молчала. Но Арсений знал: она всё слышала. И, возможно, даже немного гордилась тем, что у неё теперь есть защитник — пусть и такой, которому приходится искать компромисс между душой и сметой.

Глава 3. «Брусчатка как святыня: первый акт неповиновения»

Утро на Мегаплощади начиналось как обычно: город потягивался, кофе разливался по стаканам, а голуби устраивали короткие совещания на фонарных столбах. Но в этот день у брусчатки были другие планы.

Арсений пришёл на площадь рано — не для пафосных созерцаний, а чтобы проверить, не сдвинулся ли хоть один камень за ночь. У него была такая странная привычка: он запоминал расположение плиток, как шахматист запоминает расстановку фигур. И сейчас, едва ступив на знакомый участок, он понял: что-то не так.

Одна из плиток — та самая, с едва заметной трещиной, похожей на молнию, — лежала криво. А рядом громоздились ящики с новенькой плиткой: идеально ровной, глянцевой, подозрительно «современной». Арсений почувствовал, как внутри у него щёлкнуло что-то вроде предохранителя.

— Это что ещё за вторжение? — рявкнул он, подходя к бригаде рабочих.

Бригадир, крепкий мужчина с лицом человека, который привык, что с ним не спорят, пожал плечами:

— Распоряжение сверху. Старая брусчатка — пережиток, надо менять на практичную. Эта не будет пачкаться, не будет крошиться, не будет... ну, вообще ничего не будет. Идеальная.

— Именно! — почти закричал Арсений. — Она не будет ничего! Ни хранить тепло, ни шептать прохожим истории, ни напоминать, что этот город старше, чем кажется!

Рабочие переглянулись так, будто перед ними стоял не архитектор, а уличный проповедник, агитирующий за возвращение карет.

— Слушай, парень, — примирительно сказал бригадир. — Ты тут про душу плитки рассказываешь, а у нас план. Сегодня меняем участок, завтра — следующий. Через неделю тут будет как в торговом центре: чисто, ровно, удобно.

— Удобно?! — Арсений уже не сдерживался. — Удобно — это когда ты идёшь по улице и чувствуешь, что идёшь по своему городу, а не по каталогу стройматериалов!

Он опустился на колени и провёл ладонью по старой брусчатке — шершавой, тёплой, пахнувшей дождём и временем. И вдруг понял: если он сейчас отступит, если позволит заметить этот участок, то проиграет не спор, а что-то гораздо большее. Он проиграет своё право защищать то, что любит.

И тогда он сделал то, чего сам от себя не ожидал. Он лёг на брусчатку. Прямо на землю. Раскинул руки, словно хотел обнять весь участок, и твёрдо произнёс:

— Не трогайте. Я здесь.

На секунду всё замерло: рабочие, голуби, даже ветер будто присел на край скамейки, чтобы лучше рассмотреть происходящее.

А потом кто-то достал телефон.

Через пять минут в интернете появился ролик: «Архитектор защищает плитку как родную мать». Через десять — мем: «Когда ты настолько любишь городскую среду, что готов лечь под каток». Через пятнадцать Арсений стал героем локальных пабликов, а площадь — точкой притяжения для всех, кто хоть раз грустил из-за снесённого старого дома или заменённого на пластик исторического фонаря.

К полудню на площади собралась небольшая толпа. Кто-то принёс термос с чаем и протянул Арсению:

— Держи. Герой должен быть тёплым.

Кто-то встал рядом, сел на бордюр, будто демонстрируя солидарность с брусчаткой. А одна девушка в очках и с блокнотом спросила:

— А правда, что каждая плитка помнит, как здесь танцевали в девяностые?

— Правда, — кивнул Арсений, приподнимаясь на локте. — И я не хочу, чтобы они всё забыли.

Тут появился Игорь — тот самый урбанист, который ещё недавно смотрел на Арсения как на человека, путающего градостроительство с поэзией. Он остановился, посмотрел на толпу, на телефончики, на Арсения, лежащего посреди площади, и тихо выругался.

— Ты хоть понимаешь, что устроил? — спросил он, наклоняясь к Арсению.

— Понимаю, — спокойно ответил тот. — Я устроил защиту культурного слоя. Только не археологического, а эмоционального.

Игорь закатил глаза, но в них уже не было прежнего скепсиса — скорее усталое восхищение.

— Ладно, — пробормотал он. — Сейчас приедет начальство. И если ты думаешь, что сможешь лежать тут вечно, ты ошибаешься.

— Вечно не смогу, — честно признался Арсений. — Но достаточно долго, чтобы они поняли: это не просто плитка. Это память.

Когда подъехал автомобиль заказчика, Велехов вышел, оглядел сцену — толпу, камеры, Арсения, всё ещё лежащего на брусчатке, — и на секунду застыл, будто пытался вписать эту картину в свой привычный мир графиков и смет.

— Вы что, серьёзно? — спросил он наконец.

— Абсолютно, — ответил Арсений, не вставая. — Я не прошу ничего сверхъестественного. Просто оставьте этот участок как есть. Пусть он остаётся свидетелем истории.

Велехов посмотрел на плитку, потом на Арсения, потом на толпу, которая уже скандировала что-то вроде «Пли-тка! Пли-тка!», и вздохнул.

— Хорошо, — сказал он неожиданно. — Пусть пока останется. Но... — он строго посмотрел на Арсения, — чтобы никаких перформансов больше. И никаких лежаний. Договорились?

— Договорились, — улыбнулся Арсений, поднимаясь и отряхивая колени. — Но я буду рядом. Чтобы она знала, что её не бросили.

Толпа зааплодировала. Кто-то крикнул: «Да здравствует брусчатка!» Кто-то сделал селфи с Арсением. А площадь, казалось, тихо выдохнула — не от облегчения, а от того, что наконец-то её услышали.

Позже, когда все разошлись, Арсений снова подошёл к той самой плитке — с трещиной-молнией. Он наклонился и тихо сказал:

— Прости, что пришлось устраивать шоу. Но иногда, чтобы защитить тишину, нужно немного пошуметь.

Площадь не ответила. Но в её молчании было что-то похожее на благодарность. И Арсений понял: теперь он не просто архитектор. Он — защитник. И пусть кто-то считает это странным, а кто-то — смешным. Для него это было самым важным званием в жизни.

Глава 4. «Общественные слушания: любовь под прицелом вопросов»

Зал для общественных слушаний был рассчитан человек на сто, но сегодня в нём будто поместилась вся душа района — шумная, требовательная и отчаянно любящая свою площадь. Стулья стояли рядами, как трибуны на важном матче, а в воздухе витал особый запах напряжённого гражданского участия: кофе, старые куртки и лёгкая паника.

Арсений стоял у трибуны с папкой, в которой лежали не просто чертежи, а его аргументы, его оправдания, его клятвы площади. Рядом сидел Игорь — урбанист, который теперь смотрел на Арсения не как на романтика, а как на человека, способного устроить новый скандал прямо посреди протокола.

— Следующий вопрос, — сухо объявил модератор, постучав ручкой по столу, будто пытался этим звуком вернуть залу серьёзность.

Из первого ряда поднялась женщина в вязаной кофте и с таким взглядом, который не прощает компромиссов:

— А будет ли тень? Летом тут невозможно стоять — солнце жарит, как на сковородке. Если вы сделаете всё из камня и стекла, мы тут просто сваримся.

Арсений кивнул, будто этот вопрос был самым важным в мире. В каком-то смысле так и было.

— Тень будет, — уверенно сказал он. — Мы предусмотрели навесы, но не громоздкие, а лёгкие, почти воздушные. Они не будут спорить с пространством, а станут его продолжением. Площадь сама подскажет, где тень нужнее.

Игорь тихо фыркнул, но Арсений сделал вид, что не услышал.

Следом поднялся пожилой мужчина с тростью:

— Лавочки. Где будут лавочки? Я тут гуляю каждый день, и мне нужно где-то посидеть. Не эти модные штуки без спинки, на которых только птицам удобно, а нормальные лавочки, чтобы можно было отдохнуть и на мир посмотреть.

— Будут, — пообещал Арсений. — С высокими спинками. И мы специально расположили их так, чтобы с них открывался лучший вид на площадь. Потому что... — он чуть запнулся, но продолжил, — потому что на неё стоит смотреть.

Кто-то в зале одобрительно хмыкнул. Кто-то записал что-то в блокнот.

А потом встал мальчик лет десяти, держа в руках пластиковый стаканчик:

— А можно тут кормить голубей? У меня бабушка каждый день приносит им хлеб. Если нельзя, она расстроится.

В зале стало тихо. Арсений посмотрел на мальчика, потом на Игоря, потом снова на мальчика — и понял, что сейчас решается не вопрос благоустройства, а вопрос человечности.

— Мы не будем ставить запрещающих табличек, — медленно произнёс он. — Пусть голуби остаются частью площади. Это тоже её история — крошки на брусчатке, птицы, которые знают каждый угол.

Мальчик улыбнулся так, будто ему подарили не разрешение, а целый парк.

Дальше вопросы посыпались один за другим, и каждый звучал как маленькое испытание:

— А если дождь? Где спрятаться?

— А дети будут бегать — не разобьют ли что-нибудь?

— А ночью тут будет страшно или красиво?

И Арсений отвечал, стараясь держаться в рамках профессиональной лексики, но всё чаще ловил себя на том, что говорит о площади так, будто она живая.

— Она умеет быть разной, — объяснял он. — Днём — гостеприимной, вечером — загадочной, в дождь — уютной, а в снег — торжественной. Мы не хотим сделать её «удобной» ценой её характера.

Женщина в вязаной кофте наклонила голову, будто прислушивалась не к словам, а к чему-то за ними:

— Вы так говорите, будто любите её.

Зал замер. Даже Игорь перестал делать пометки и поднял глаза.

Арсений почувствовал, как кровь приливает к щекам. Сейчас было самое время сказать что-то нейтральное: «Я уважаю её историческую ценность», «Это важный градостроительный объект», «Моя задача — сохранить идентичность пространства».

Но вместо этого он на секунду замолчал, посмотрел на зал, потом — будто сквозь зал — на саму площадь, которая сейчас была здесь только в виде чертежей и фотографий, но ощущалась почти физически.

— Да, — тихо, но чётко сказал он. — Люблю. Не как объект проектирования, а как место, которое умеет хранить память. И я хочу, чтобы она осталась собой.

В зале повисла тишина — не неловкая, а уважительная. Кто-то медленно захлопал. Потом ещё кто-то. А женщина в вязаной кофте кивнула, будто услышала именно то, что хотела.

Модератор кашлянул, возвращая собрание в формальное русло:

— Хорошо. Все замечания зафиксированы. Проект будет доработан с учётом ваших предложений.

Когда слушания закончились, люди подходили к Арсению, чтобы пожать руку, поблагодарить, рассказать свои истории про площадь: как здесь впервые поцеловались, как ждали кого-то под фонарём, как просто любили проходить по этой брусчатке, потому что она была родной.

Игорь подошёл к нему, когда зал почти опустел, и тихо сказал:

— Знаешь, я думал, что ты просто не умеешь работать с аудиторией. А оказалось, ты умеешь говорить с городом. И, что важнее, ты умеешь слушать.

Арсений улыбнулся:

— Я просто не хотел врать ни им, ни себе. Площадь этого не заслуживает.

Они вышли на улицу, и вечер уже накинуд на Мегаплощадь свой мягкий плащ — тени легли ровно, фонари зажглись, будто по заранее продуманному плану. Арсений остановился, посмотрел на знакомые линии брусчатки, на старые фонари, на пустые пока лавочки — и почувствовал, что всё это наконец-то услышано.

— Спасибо, — тихо сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно. — За то, что ты такая, какая есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.